

И. Франко

Сам
виноват

И. в. Франко.

241
Самъ
виковатъ.

3-е изданіе.

Издан

Донская Рѣчь

цѣна 1 р.

32

Самъ виноватъ.

Разсказъ Ивана Франка.

(Перев. съ малорусскаго Л. У.).

I.

„Назначенъ къ публичной продажѣ надѣлъ подъ № 29, собственность Николая Проця, стоимостью въ 150 гульденовъ*) въмѣстѣ со всѣми хозяйственными постройками (ихъ было всего одна изба и хлѣвъ на одну корову; все въмѣстѣ подъ одной кровлей изъ давно прогнившей драни), для уплаты долга Шиндеру на сумму 40 гульденовъ. Кто дастъ больше?“

Всю эту длинную тираду прокричалъ хриплымъ голосомъ судебный приставъ, исполнявшій одновременно и службу аукціонщика. Послѣ этихъ словъ онъ простучалъ нѣсколько разъ молоткомъ по доскѣ, положенной на бревнѣ, замѣнявшей казенный столъ.

— Кто дастъ больше?—повторилъ онъ,—объявленная цѣна 40 гульденовъ!

Вокругъ стояло нѣсколько крестьянъ въ истрепанныхъ сермягахъ и въ соломенныхъ шапкахъ, а также два три грязныхъ еврея съ длинными пейсами. Они разговаривали между собой, оглядывали дворъ, на которомъ происходила продажа, но на вызовъ пристава никто изъ нихъ не отозвался.

А въ сторонѣ, у разваленнаго забора, сидѣлъ на бревнѣ самъ Мыкола Проць, высокій, лѣтъ тридцати пяти, худой какъ щепка; съ испытаннымъ отъ нужды и болѣзни лицомъ. На колѣняхъ у него сидѣлъ мальчикъ пятилѣтокъ, прижимаясь къ отцу и со страхомъ поглядывая на чужихъ людей передъ избой. Около него стояла жена съ младшимъ ребенкомъ на рукахъ и фартукомъ утирала слезы.

*) ДРЕВНЕСКА БИБЛИОТЕКА

— Кто дастъ больше?—вызывалъ приставъ, оглядываясь.

Тутъ подошелъ къ нему Шиндеръ—и, прикоснувшись лѣвой рукой къ своей ермолкѣ, сказалъ:

— Ну зачѣмъ, ваше благородіе больше давать? Я дамъ сорокъ.

— Шиндеръ дастъ сорокъ; кто дастъ больше? Разъ!—прокричалъ приставъ.

Никто не откликался.

— Два!

Всѣ молчали, только слышно было глухое всхлипыванье Процихи.

— Три!

Громкіе удары молотка по доскѣ были отвѣтомъ на этотъ вызовъ. Шиндеръ за свои 40 гульденовъ сдѣлался владѣльцемъ земли и хозяйства, оцѣненныхъ въ 150 гульденовъ, а въ дѣйствительности стоившихъ самое меньшее 200 гульденовъ.

— Ну, ты, глупый мужикъ,—обратился Шиндеръ къ Мыколѣ,—не говорилъ я тебѣ, помирись со мной, отдай мнѣ половину земли? А теперь, вотъ видишь, я взялъ все!

— Богъ тебя накажетъ за нашу обиду, кровопійца проклятый!—вскрикнула, задыхаясь отъ слезъ, Проциха.

— За что меня будетъ Богъ наказывать? Кого я обидѣлъ? Пусть тебя самое Богъ накажетъ, мерзавка ты этакая! Убирайся вонъ изъ моего двора, вонъ, сейчасъ-же!

Проциха поспѣшно утерла слезы и хотѣла еще что-то сказать Шиндеру, но Проць махнулъ на нее рукой и сказалъ разбитымъ, глухимъ голосомъ:

— Оставь его! Что ужъ теперь говорить? Ничего не подѣлаешь! Богъ насъ наказалъ, на то была его воля. Такъ тому и быть! Пойдемъ!

Онъ всталъ, взялъ мальчика за руку и пошелъ, а

за нимъ, рѣкой разливаясь, пошла и его жена съ малымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Такъ-то, кумъ, вотъ и еще одного хозяина на міру не стало,—гуторили промежъ себя мужики на дворѣ.

— Да, видно Божіе попущеніе на міръ христіанскій!

— Ну да, говорите больше! „попущеніе Божіе“—сказалъ одинъ, нѣсколько лучше другихъ одѣтый крестьянинъ,—самъ народъ виновать и только!

— Ахъ, кумъ, право,—отвѣтилъ первый,—не говорите этого. Хорошо вамъ, что Богъ васъ благословилъ, вотъ вы и не знаете горя. А бѣднякъ, хоть какъ ни старайся, все-таки двухъ одной рубашкой не одѣнетъ сразу.

— Те-те-те,—перебилъ зажиточный,—все это пустые разговоры. Работать бы побольше, рукъ не жалѣть!

— Эхъ, кумъ, да бѣднякъ ли еще не работаетъ? Такъ работаетъ, что какъ только глаза не лопнуть... Да нешто этимъ поможешь? Вотъ мы теперь тутъ стоимъ, а развѣ мы знаемъ, не упадетъ ли и на кого-нибудь изъ насъ то же, что теперь на Мыколу упало?

— Еще что скажете?—отвѣтилъ зажиточный,—небось,—путному, порядочному никогда ничего такого не приключится, а вотъ развѣ такому лядащему, какъ этотъ Мыкола! Говорите себѣ, что вамъ угодно, а я все на своемъ стою: онъ самъ виноватъ!..

II.

Свѣтъ широкъ, а негдѣ въ немъ дѣваться бѣдняку безпріютному.

Мыкола Проць шелъ низомъ по деревнѣ, какъ лунатикъ, а жена шла за нимъ, рыдая и причитая, словно по умершему. Былъ душный лѣтній день. Люди работали въ полѣ, и въ деревнѣ не видно было никого. Жена припустила шагъ и поровнялась съ мужемъ.

— Мыкола, куда ты идешь?

— Въ Свичу*)—отвѣтилъ тотъ угрюмо.

— Господи, что это ты говоришь?

— Ну, а куда же теперь итти? Другого выхода нѣтъ!..

— Сохрани насъ Господи отъ такого, Мыкола! Не говори такъ! Смотри вотъ тутъ живетъ моя тетка, пойдемъ къ ней, будемъ лѣтомъ работать, а зиму какъ-нибудь перебьемся.

— А потомъ?...

— Потомъ... потомъ будемъ опять работать, авось какъ-нибудь да проживемъ между добрыми людьми.

— Добрыми?.. Да, какъ же! Стоитъ между ними жить! Нѣтъ, ужъ, это ты оставь!

И Мыкола пустился дальше. Жена удержала его за руку.

— Да побойся ты Бога! что ты задумалъ? Вѣдь это смертный грѣхъ! На кого же ты меня оставишь? А дѣтей?...

— А живя, чѣмъ я помогу тебѣ и дѣтямъ? Пусти меня дура!..

Но она не выпускала его и тащила упорно черезъ мостикъ къ теткину двору.

— Знаешь, что—сказалъ, наконецъ, Мыкола,—если хочешь, иди къ теткѣ...

— А ты?

— Я не пойду.

— Отчего?

— Я не могу ни минуты оставаться въ этой проклятой деревнѣ! Если ты меня силой удержишь, я удавлюсь. Такъ лучше пусти.

— Да куда же ты пойдешь?

— Пойду на заработки, въ Людвиковку, на лѣсопильню.

*) Свича—одна изъ галицкихъ рѣкъ.

— На лѣсопильню? Силы небесныя! да вѣдь ты слабъ, что комаръ! что ты тамъ будешь дѣлать?

— Небось, найду что дѣлать. Тамъ теперь нужны рабочіе, примутъ и меня.

— Когда же вернешься?

— Какъ только заработаю деньги, чтобы выкупить свое добро отъ этого проклятаго Шиндера. Не раньше.

Жена уставилась на него удивленными глазами, полными тревоги.

— Мыкола, что ты говоришь?

— То, что слышишь.

— Да вѣдь это...

Она не могло договорить, ее что-то давило камнемъ въ горлѣ.

— Когда будетъ, тогда и будетъ, да должно таки быть. Или заработаю, или пропаду. Что мнѣ въ такой жизни! Будь здорова!

Онъ поцѣловалъ жену и дѣтей и медленнымъ, не твердымъ шагомъ пошелъ дальше по большой дорогѣ. Жена со слезами смотрѣла ему вслѣдъ съ мостика, пока онъ не скрылся на поворотѣ за холмикомъ.

III.

Прошелъ годъ послѣ того дня. Опять лѣто. Съ безоблачнаго неба солнце сыплетъ горячіе лучи на высокія лысыя горы, на зеленые болотца надъ рѣкой, на фабричныя строенія людовиковской паровой лѣсопильни. Свеча бурлитъ и разбивается о круглые камни; на необрубленныхъ еще горахъ млѣютъ хвойные лѣса, увитые прозрачной голубоватой дымкой. Посреди котловины торчитъ сама фабрика, со всѣхъ сторонъ обставленная высокими саженьями толстыхъ бревенъ, словно огромной сѣрой стѣной. Изъ красной трубы клубами вырывается дымъ и раздается пронзительный свистъ, внутри фабрики слышится бѣшенное клокотанье, визгъ, скрипъ и лязгъ паровой машины, смѣшанный съ

оглушающимъ шумомъ воды и крикомъ рабочихъ. А издали, съ горныхъ вершинъ доносится отовсюду стукъ топоровъ и грохотъ падающихъ громадныхъ елей.

— Ура!—кричатъ рубящіе за каждымъ паденіемъ такого лѣсного великана, а потомъ опять начинается рубка, у великана обрубають вѣтви и по торной колѣѣ спускають подъ гору на рѣку, которая уноситъ его прямо къ машинѣ. День за днемъ со всѣхъ окружающихъ вершинъ раздается эта рубка и крикъ, день за днемъ сотни лѣсныхъ великановъ съ трескомъ спускаются по голымъ, каменистымъ, горнымъ обрывамъ въ долину, чтобы ждаты тамъ на водѣ, пока придетъ ихъ очередь ложиться подъ неумолимые желѣзные зубья паровыхъ пилъ. И каждый день 14 сложныхъ пилъ грызутъ кости лѣсныхъ великановъ, словно 14 большихъ, нестрѣбимыхъ червяковъ.

Среди рубящихъ работаетъ и Мыкола вотъ уже годъ. Онъ сдѣлался еще болѣе жалокъ и худъ, но сегодня онъ рубить съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто эта ель его заклятый врагъ.

— Авось это послѣдній разъ, Господи, авось послѣдній разъ!—думаетъ онъ, высоко взмахивая топоромъ.

Сегодня онъ счастливъ. Въ его кожаномъ поясѣ завернутые въ тряпку лежать тщательно запрятанные 50 гульденовъ, годовой заработокъ. Сорокъ, считаетъ Мыкола, пойдутъ Шиндеру, а десять на обзаведеніе хозяйствомъ. Сегодня вечеромъ кончится его работа, а завтра онъ пойдетъ домой.

И въ самомъ дѣлѣ, на другой день еще ни свѣтъ, ни заря, а Мыкола Проць шагаль уже далеко отъ Людвики. Онъ шелъ быстро, даже задыхаясь, мысль его летала въ будущемъ, не желая даже оглядываться назадъ, гдѣ она ничего не встрѣтила бы, кромѣ горя и нужды.

— Прежде всего пойду къ Шиндеру,—думаль бѣдный мужикъ,—выкуплю поле съ избой, а тогда уже и къ женѣ... Пойдемъ, скажу: пора опять хозяйничать на своемъ!

Эта мысль придавала силу его слабымъ ногамъ. Солнце склонилось къ закату, когда онъ подходилъ къ своей деревнѣ. Сердце забилося въ его груди, когда онъ увидалъ издали свою, наполовину разрушенную избу и большой кабакъ на краю деревни. Напрягая послѣднія силы, поспѣшилъ онъ туда.

— Добрый вечеръ, Шиндеръ!—крикнулъ онъ, входя въ кабакъ.

— Здравствуйте! А, это вы, Мыкола?—сказаль Мортко,—гдѣ же это вы были, что васъ такъ долго не видать было?

— Былъ на работѣ, сказаль Мыкола.—Послушай, Мортко, что я тебѣ скажу.

— Ну, что такое?

Мыкола досталь изъ пояса тряпочку, развязаль ее и выложилъ передъ кабатчикомъ четыре десятки.

— На смотри! Отдай мнѣ надѣлъ и избу.

— Что, что, что?—вскрикнулъ кабатчикъ и отступилъ.—Ты хочешь за сорокъ гульденовъ купить надѣлъ съ избой? Ха, ха, ха!

— Не купить, а свое взять назадъ!

— Взять назадъ? Ого! какъ же это такъ взять?

Я тебѣ отдаю то, что задолжалъ, а ты мнѣ отдай надѣлъ съ избой.

— Ай, ай! Ты, я вижу, Мыкола, гдѣ то большого ума набрался. У насъ такъ не идетъ! Мнѣ за этотъ надѣлъ даютъ триста гульденовъ. Я хочу четыреста, а тебѣ отдамъ за двѣсти пятьдесятъ. Понимаешь?

Мыкола стоялъ, какъ остоленѣлый отъ этихъ словъ. Кабатчикъ видимо испугался, потому что скрылся за перегородку и дверь за собой заперъ.

Въ кабакъ было нѣсколько знакомыхъ крестьянъ.

Они окружили Мыколу, стали съ нимъ здороваться, принялись утѣшать, но онъ стоялъ, какъ столбъ, не спуская глазъ съ того мѣста, на которомъ только что стоялъ кабатчикъ. Долго-долго такъ простоялъ бѣдный человѣкъ, а потомъ обратился къ людямъ:

— Люди добрые, да какъ же это можетъ быть?— спросилъ онъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Что ты подѣлаешь, куманекъ, съ нимъ, когда все въ его рукахъ?—сказалъ одинъ.

— И никакого на это права нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Такъ! сказалъ Мыкола и замолчалъ, только крупныя, жгучія слезы покатались по его блѣдному, измученному, запыленному лицу.

— Люди добрые,—сказалъ онъ, спустя минуту,— возьмите вы, пожалуйста эти деньги и отдайте ихъ моей женѣ. Мнѣ онѣ ненужны. Кланяйтесь ей отъ меня и скажите, что я скоро вернусь. А о томъ, что тутъ было съ Шиндеромъ у меня—ни слова ей! Слышите, ни слова!

— Хорошо, куманекъ, ладно!

— А теперь прощайте!

Онъ нахлобучилъ шапку и ушелъ. Солнце горѣло кроваво-золотымъ огнемъ надъ самымъ западомъ. Кровавой полосой блестѣла Свеча на темно-зеленой равнинѣ, извиваясь между лознякомъ. Шумѣла вода по камнямъ. Воробьи чирикали въ лознякѣ, а въ сердце бѣднаго Мыколы клубилось горе.

IV.

Надняхъ, около того времени, когда все это происходило, въ Людвиговкѣ случилось событіе. Въ одномъ кабакѣ близъ долины, стоявшемъ на пустырьѣ среди поля, ночью вырѣзали всю семью кабатчика. Только одинъ мальчикъ спасся какимъ-то чудомъ, спрятавшись за трубой и рассказалъ потомъ объ убійствѣ. Людей, совершившихъ убійство, онъ не зналъ и даже не пони-

малъ ихъ языка. Подозрѣніе пало на двухъ итальянцевъ, работавшихъ въ Людвиковкѣ. Ихъ арестовали. Итальянцы эти работали „на спускъ“. Это была очень опасная работа. Одинъ лѣсистый холмъ былъ въ сторонѣ отъ воды, такъ что некуда было спускать съ него срубленные деревья, потому что кругомъ были со всѣмъ неприступныя, огромными камнями заваленныя дебри. А деревья на этомъ холмѣ были, какъ нарочно, самыя лучшія, самыя рослыя. Директоръ лѣсопильни думалъ, думалъ, какимъ бы образомъ до нихъ добратъ-ся, и, наконецъ, придумалъ. На половинѣ высоты холма вытекалъ изъ-подъ скалы небольшой родникъ, который малымъ потокомъ падалъ внизъ, и, бурля, терялся между скалами, чтобы далеко подъ горой успокоиться и тихо впасть въ Свичу. Отъ этого родника директоръ приказалъ выстроить спускъ прямо къ фабричному двору. Этотъ спускъ былъ просто небольшимъ водопроводомъ, сложеннымъ изъ толстыхъ деревянныхъ брусевъ въ видѣ длиннаго жолоба. Онъ протянулся, какъ струна, отъ фабрики надъ ужасной, усѣянной камнями и поросшей ежевикой и дикимъ кустарникомъ пропастью вдаль, къ самому сердцу противоположной горы. Со дна пропасти водопроводъ казался толстымъ канатомъ, а козлы, на которыя онъ опирался, казались длинными жердями, которыя вотъ-вотъ зашатаются и упадутъ. По этому деревянному жолобу текла вода изъ родника, при помощи которой легче было спускать дерево сверху къ лѣсопильнѣ. Но вода сама не могла гнать такихъ огромныхъ стволовъ, хотя съ нихъ сдирали кору для того, чтобы они лучше скользили. Поэтому, двое рабочихъ должны были постоянно таскать эти бревна по спуску внизъ. Это дѣлалось такимъ образомъ, что рабочій, зарубивъ топоръ крѣпко въ одинъ конецъ бревна, хватался обѣими руками за топорѣще и, ступая по краю жолоба, всѣмъ тѣломъ висѣя надъ ужасной пропастью, тащилъ по

скользкому дну жолоба за собой бревно. Не скоро это подвигалось, и работа была опасная, такъ какъ если бы только топоръ вырвался изъ бревна или руки рабочаго соскользнули съ топорѣща, то рабочаго ждала неминуемая, очевидная гибель на днѣ страшной пропасти. Потому то мѣстные рабочіе ни за что не соглашались на эту работу, хотя директоръ предлагалъ за нее по два гульдена въ день. Только упомянутые два итальянца согласились и, дѣйствительно, вотъ уже три мѣсяца справлялись съ этой работой удачно. Другіе же рабочіе боялись даже смотрѣть на нихъ, когда они, откинувшись надъ пропастью, тащили бревна внизъ по спуску. Правда, рядомъ съ главнымъ жолобомъ, положены были на козлахъ доски, чтобы удобнѣе было ходить, но если бы топоръ вырвался изъ дерева, доска не могла бы спасти рабочаго.

И такъ, когда Мыкола вернулся назадъ въ Людвиговку, мѣсто двухъ арестованныхъ итальянцевъ было свободно.

— Господинъ директоръ,—сказалъ Мыкола, входя въ фабричную контору,—вотъ я опять къ вамъ пришелъ просить работы.

— Работы?—пробормоталъ директоръ,—ну, хорошо. Вотъ тутъ на спускъ есть работа, хочешь?

— На спускъ? пролепеталъ Мыкола.

— Я тебѣ хорошую плату дамъ, два гульдена въ день. Хочешь?

Мыкола задумался, холодомъ обдало его отъ этой мысли, но другого выхода онъ не видѣлъ. Да впрочемъ, о чемъ ему было теперь еще заботиться.

— Ладно, господинъ директоръ! сказалъ онъ,—пойду на спускъ, Божья воля.

— Неужто пойдешь? сказалъ директоръ и взглянулъ на него съ удивленіемъ. Онъ самъ теперь, какъ будто испугался смѣлости Мыколы.

— Да, пойду!—твердо повторилъ Мыкола.

На другой день около спуска собралась цѣлая толпа рабочихъ и фабричныхъ надзирателей. Хотѣли видѣть, какъ Мыкола справится со своей головоломной работой. Мыкола былъ уже въ лѣсу. Тамъ слышны были ауканье и крики рабочихъ, стукъ топоровъ и трескъ падающихъ деревьевъ. Вотъ уже повалили огромный стволъ въ жолобъ. Бѣлое, обнаженное отъ коры, смолистое дерево блеститъ на солнцѣ. Вотъ и Мыкола. Онъ перекрестился, схватилъ обѣими руками огромный топоръ съ длиннымъ, крѣпкимъ топорищемъ и, взмахнувъ имъ надъ головой, вогналъ его изо всѣхъ силъ въ болѣе толстый конецъ ствола.

— Ну, Благослови Господи! Трогай!

Мыкола схватилъ топорище, свѣсился совсѣмъ надъ пропастью и при помощи другихъ рабочихъ тронулся съ мѣста.

— Тише! тише!—кричали снизу.

Стволъ довольно легко подвигался по дну спуска. Мыкола шелъ безпечно по доскѣ, шагъ за шагомъ. Онъ уже подходилъ къ самому страшному мѣсту надъ пропастью. Кто побоязливѣе отворачивался, не будучи въ состояніи вынести вида этого человѣка, идущаго будто по ниткѣ между жизнью и смертью.

— Спаси его, Господи!—шептали рабочіе.

— Интересно перейдетъ ли онъ?—шепталъ директоръ.

А Мыкола все шелъ. Онъ впился глазами въ стволъ и въ блестящій топоръ, который, словно большой зубъ какого-то лютаго звѣря, вонзился въ бѣлое, блестящее тѣло ствола. За топоромъ и стволомъ онъ уже ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Онъ и страха не чувствовалъ. Ему казалось только, что это онъ глазами держится за стволъ, а отведи онъ на минуту глаза отъ ствола, тутъ ему и смерть.

Но что это?... Дрожить ли его рука? Или топоръ въ деревѣ задвигался? Мыколу что-то сдавило за серд-

це. Онъ чувствовалъ, что топоръ вогналъ слабо и вотъ-вотъ вырвется. Онъ хотѣлъ остановиться и поправить его, но его какъ-будто что-то гнало дальше. Онъ взглянулъ внизъ, въ пропасть, и голова у него тотчасъ закружилась, въ глазахъ потемнѣло, и одно только слово вырвалось изъ его устъ:

— Боже!

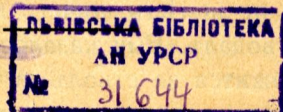
Одинъ общій крикъ тревоги вырвался въ ту же минуту изъ груди всѣхъ, смотрѣвшихъ по другую сторону. Мыкола только мелькнулъ и внизъ головой полетѣлъ въ пропасть. На первомъ же остромъ утесѣ голова его разбилась въ куски, словно тыкva.

— Боже!—крикнули рабочіе при видѣ этого и побѣжали внизъ, хотя и знали, что для бѣднаго Мыколы нѣтъ уже спасенія.

Его похоронили за свичей, у подножія высокой горы. Зеленая, поросшая мхомъ и полевыми цвѣтами поляна, съ двухъ сторонъ окруженная рѣкой, но поднятая надъ уровнемъ рѣки такъ, что вода никогда ея не заливаешь, хранить въ себѣ его тѣло. Свеча брызжетъ и реветъ поблизу, словно въ безсильной злобѣ на свою жертву. Со всѣхъ сторонъ задумчиво глядятъ высокія горы на незначительную зеленую могилку на одномъ берегу и на большую фабрику съ красной трубой на другомъ. Въ орѣшникѣ поетъ кукушка, будто спрашиваетъ: „Кто тутъ? кто тутъ?“ А чирикъ въ высокой травѣ звенитъ въ отвѣтъ; „несчастливецъ! несчастливецъ!“

Только злая пестрая сойка дразнить! „Самъ, самъ виновать! Да! да!..“

4924

45. СЕРАФИМОВИЧЪ — Въ бурю . . . 3 к.	87. ЗОЛЯ — Кровь . . . 3 к.
46. ЯБЛОНОВСКИЙ — Конопрадь . . . 3 к.	88. ТАНЬ — Елка въ Америкѣ . . . 3 к.
47. ФРАНКО — На днѣ . . . 9 к.	89. УСПЕНСКИЙ — Будна . . . 3 к.
48. КУПРИНЪ — Молохъ . . . 12 к.	90. КОРОЛЕНКО — Мгновенье и
Огоньки . . . 3 к.
49. Н. ДАНЧЕНКО — Воскрес. пѣснь . . . 5 к.	91. ПѢСНИ МИРА — Сборникъ
стихотвореній . . . 2 к.
50. ВЕРЕСАЕВЪ — Повѣтріе . . . 4 к.	92. Н. ДАНЧЕНКО — Соловьиная
ночь . . . 1 к.
51. БЪЛОКОНСКИЙ — Деревня Пе-
чальная . . . 3 к.	93. БЪЛОКОНСКИЙ — Страшное
мѣсто . . . 1 1/2 к.
52. ДМИТРИЕВА — Воляки . . . 3 к.	94. МИРБО — Бродяга . . . 1 к.
53. СЕРАФИМОВИЧЪ — Стенные
люди . . . 3 к.	95. ПОСТУПАЕВЪ — Пѣсни рабо-
чей жизни . . . 10 к.
54. МИТРОПОЛЬСКИЙ — На плотяхъ . . . 3 к.	96. ТИМКОВСКИЙ — Травля . . . 5 к.
55. КОРОЛЕНКО — Черкесь . . . 4 к.	97. НАЖИВИНЪ — Волось Ма-
донны . . . 1 к.
56. ВЕРЕСАЕВЪ — Звѣзда (восточ-
ная сказка) . . . 1 1/2 к.	98. ФРАНКО — Къ свѣту . . . 3 к.
57. ТЕЛЕШОВЪ — Противъ обычая . . . 2 к.	99. ЧИРИКОВЪ — Въ отставку . . . 7 к.
58. ЯБЛОНОВСКИЙ — Въ консуль-
таціи . . . 3 к.	100. ЗАРНИЦЫ — Сборникъ сти-
хотвореній . . . 5 к.
59. Пѣсни труда . . . 5 к.	101. АНДРЕЕВЪ — На станціи . . . 1 к.
60. ТЕМНЫЙ — Сироткинь . . . 3 к.	102. БУНИНЪ — На край свѣта . . . 1 1/2 к.
61. Только часъ. КРАНДІЕВСКОЙ
и др. рассказы . . . 10 к.	103. РУБАКИНЪ — Искорки . . . 5 к.
62. БУНИНЪ — Надъ городомъ . . . 1 к.	104. КОРОЛЕНКО — Маруся за-
нима . . . 10 к.
63. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ — Отдѣляетъ
мой соколинь . . . 2 к.	105. П. Я. (МЕЛЬШИНЪ) — Избран-
ныя стихотворенія . . . 6 к.
64. СТАНЮКОВИЧЪ — Эмигрантъ . . . 3 к.	106. АНДРЕЕВЪ — Въ темную даль . . . 3 к.
65. Избранныя стихотворенія НАД-
СОНА и др. поэтовъ . . . 3 к.	107. АНДРЕЕВЪ — Валя . . . 2 к.
66. АНДРЕЕВЪ — Ангелочекъ . . . 3 к.	108. ВЕРЕСАЕВЪ — Объ одномъ домѣ . . . 3 к.
67. АНДРЕЕВЪ — Жили-были . . . 3 к.	109. КОРОЛЕНКО — Последний лучъ . . . 3 к.
68. СКИТАЛЕЦЪ — Атаманъ . . . 2 к.	110. КОРОЛЕНКО — Морозъ . . . 4 к.
69. СЕРАФИМОВИЧЪ — Въ намы-
шкахъ . . . 2 к.	111. МЕЛЬШИНЪ — Въ пѣлу . . . 3 к.
70. РУБАКИНЪ — Дѣдушка-Время . . . 7 к.	112. М. СИБИРЯКЪ — Въ худыхъ
лукахъ . . . 4 к.
71. ЯБЛОНОВСКИЙ — Завѣтная
мечта . . . 3 к.	113. ЧИРИКОВЪ — Бродячій маль-
чикъ . . . 5 к.
72. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ — Присяжные
засѣдатели . . . 2 к.	114. РУБАКИНЪ — Книголюба . . . 12 к.
73. ВЕРЕСАЕВЪ — Къ спѣху . . . 1 к.	115. В. КОРОЛЕНКО — Сказаніе о
Флорѣ . . . 3 к.
74. СЕРАФИМОВИЧЪ — На льдинѣ . . . 3 к.	116. АНДРЕЕВЪ — Весеннія обѣ-
щанія . . . 3 к.
75. МЕЛЬШИНЪ — Маленькіе люди . . . 4 к.	117. НАЖИВИНЪ — Ложь . . . 1 1/2 к.
76. БУЛГАКОВА — Что за страна
Японія . . . 5 к.	118. СУЗДАЛЬЦЕВА — Остлерь,
другъ фабр. дѣтей . . . 3 к.
77. ЯКОВЛЕВА — Свидѣтель . . . 8 к.	119. КРЮКОВЪ — Въ родныя мѣста . . . 5 к.
78. ТЕЛЕШОВЪ — Хлѣбъ-соль . . . 1 1/2 к.	120. КОРОЛЕНКО — Сонъ Макара . . . 6 к.
79. РУСОВА — На счастливыхъ
островахъ . . . 6 к.	121. КОНОПНИЦКАЯ — Ятонтъ . . . 1 1/2 к.
80. КОРОЛЕНКО — Соколинецъ . . . 7 к.	122. ЯБЛОНОВСКИЙ — Нухимъ . . . 3 к.
81. ЧИРИКОВЪ — Коля и Колье . . . 2 к.	123. БУТОШИНЪ — Случай № 212 . . . 1 к.
82. ЕЛЕОНСКИЙ — Огорченіе . . . 3 к.	124. РУСОВА — Какъ болгары до-
были свободу . . . 6 к.
83. РУСОВА — Братья Грехи . . . 3 к.	125. КОРОЛЕНКО — На затменія . . . 3 к.
84. ТЕЛЕШОВЪ — Нужда . . . 1 1/2 к.	
85. Избранныя стихотворенія А.
ТОДСТОГО и др. поэтовъ . . . 3 к.	
86. ВОЖЕНКО — На войну . . . 5 к.	

31.644

ф $\frac{IV}{C-170}$

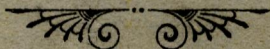
Главный складъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону, Пушкинская, № 131.

Лица, выписывающія на 3 р. въ предѣлахъ Европ. Россіи
(просятъ деньги присылать впередъ, можно марками),
за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой;
при заказѣ на 75 руб. (Европ. Рос.) по желѣзн. дор.
пересылка принимается за счетъ издательства.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Петербургѣ—въ книжн. складѣ О Н Поповой, Невскій, 54.
Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Тверская улица.
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ
„ Саратовѣ | книжные склады губернскихъ земствъ.
„ Харьковѣ |

31.644
ф $\frac{\text{IV}}{\text{C-170}}$

И. Франко

Сам
виноват

у